

Научная статья
УДК 343.14

СВОД ЗАКОНОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И УГОЛОВНО-СУДЕБНЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА

Россинский Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия

s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация. В статье освещаются результаты очередного этапа научных изысканий автора, направленных на выявление историко-правовых факторов, во многом предопределивших современное состояние и направления дальнейшего развития уголовной юстиции Российской Федерации. Рассматриваются различные уголовно-судебные доказательства и прочие средства уголовно-судебного доказывания, присущие российской правовой системе середины XIX века, по есть периоду, предшествовавшему принятию Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года. В статье формулируется вывод, что, несмотря на архаичность и явное несоответствие современным представлениям о механизмах работы уголовной юстиции правового государства, предусмотренные «дореформенным» уголовно-процессуальным законодательством Российской империи положения об уголовно-судебных доказательствах, равно как и второстепенных средствах доказывания предопределили вектор последующей интенсификации национального доказательственного права на многие годы вперёд.

Ключевые слова: история уголовного судопроизводства, несовершеннолетние доказательства, признание обвиняемым своей вины, Свод законов Российской империи, совершенные доказательства, средства доказывания, теория формальных доказательств, улики.

Для цитирования: Россинский С. Б. Свод законов Российской империи и уголовно-судебные доказательства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В. В. Лукьянова. 2026. № 1(106). С. 338–344.

COLLECTION OF LAWS OF THE RUSSIAN EMPIRE AND CRIMINAL-JUDICIAL EVIDENCE

Sergey B. Rossinskiy

Institute of state and law of the Russian academy of sciences, Moscow, Russia

s.rossinskiy@gmail.com

Annotation. The article highlights the results of the next stage of the author's scientific research, which were aimed at identifying historical and legal factors that largely influenced the current state and directions of further development of criminal justice in the Russian Federation. The article examines various criminal-judicial evidence and other means of criminal-judicial proof that were inherent in the Russian legal system of the mid-19th century, for the period preceding the adoption of the Charter of Criminal Procedure of the Russian Empire of 1864. The article formulates a conclusion that, despite the archaism and

obvious discrepancy with modern ideas about the mechanisms of criminal justice in a constitutional state, the provisions of the “pre-reform” criminal-procedural legislation of the Russian Empire on criminal-judicial evidence, as well as secondary means of proof, predetermined the vector of subsequent intensification of the national law of evidence for many years to come.

Keywords: history of criminal proceedings, imperfect evidence, admission of guilt by the accused, Code of Laws of the Russian Empire, perfect evidence, means of proof, theory of formal evidence, evidence.

For citation: Rossinskiy S. B. Collection of laws of the Russian empire and criminal-judicial evidence // Scientific Bulletin of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2026. № 1(106). P. 338–344.

Некоторое время назад вниманию юридической общественности были представлены результаты научных изысканий автора настоящей статьи, посвящённых метаморфозам национальных представлений об уголовно-процессуальных доказательствах как основных и наиболее известных средствах уголовно-процессуального доказывания. Такие представления были условно разделены на несколько присущих различным фазам развития российского, в том числе советского, государства и права укрупнённых подходов: фактологического, дуалистического, лиминального, кибернетического и др., а причины подобного многообразия связаны с детерминированностью некогда существовавших и существующих в настоящее время научных взглядов разными мировоззренческими идеями и философскими «трендами» [1]. В частности, отмечалось, что возникшие в первой половине XIX века и просуществовавшие примерно до 1910-х гг. как бы «дореволюционные» представления об уголовно-судебных доказательствах (в те времена доказательства в силу ряда известных причин могли считаться только судебными!), будучи процессуальными воплощениями «модных» и признаваемых наиболее прогрессивными современниками идей И. Канта [2, с. 38], Г. В. Ф. Гегеля [3, с. 28], других представителей классической немецкой философии, сводились к так называемому формально-логическому подходу. Говорилось, что многие известные русские учёные [4, с. 52; 5, с. 5 и др.] понимали под уголовно-судебными доказательствами достаточно абстрактные основания для судебного убеждения (логические доводы и аргументы), порождаемые опытом, разумом, приобретёнными знаниями и подлежащие отграничению от улики, то есть материальных либо идеальных объектов ретроспективной когниции.

Вместе с тем в прежних публикациях автора не было уделено внимания бытовавшим в Российской империи законодательным (не доктринальным, а именно законодательным!) подходам к уголовно-судебным доказательствам. И если «доказательственные» статьи Устава уголовного судопроизводства Российской империи 1864 года уже неоднократно попадали в предмет подобных изысканий других учёных, то применяемые ранее положения так называемого «николаевского» процессуального закона такому обстоятельному анализу практически не подвергались. Восполнению этих научных пробелов и посвящена настоящая статья.

А начать хотелось бы с напоминания об отсутствии в «николаевской» России уголовно-процессуального кодекса – правила расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел находили отражение в подготовленном под руководством М. М. Сперанского [6, с. 179], впервые опубликованном в 1832 году и затем претерпевшем ряд изменений Своде законов Российской империи. Последний, 15-й том Свода законов предполагал систематизированную совокупность действующих норм «антикриминального» законодательства. Книга 1 данного тома посвящалась положени-

ям уголовного, а Книга 2 – положениям уголовно-процессуального права. В неё (в Книгу 2) были включены положения целого ряда принятых в различные исторические периоды, в разных социально-политических условиях нормативных документов, регламентирующих те или иные правила расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел: от известного Соборного уложения 1649 года до более поздних актов, появившихся во времена правления Петра I, Екатерины II и даже Александра I. Многие из данных положений возникли в результате обобщения однородных, но присущих разным эпохам приёмов расследования, судебного разбирательства и разрешения уголовных дел. А общая парадигма «николаевского» уголовного процесса предполагала высокую степень преемственности по отношению к немецкому инквизиционному процессу начала XIX века. В частности, одним из его принципов по-прежнему преимущественно являлся принцип формальной оценки уголовно-судебных доказательств.

В этой связи устанавливалась чёткая дифференциация данных доказательств в зависимости от их юридической силы – предусматривались так называемые совершенные и несовершенные доказательства [7, с. 72]. Совершенные уголовно-судебные доказательства изначально признавались наделёнными гораздо более высоким потенциалом, тогда как несовершенным отводилась роль второстепенных аргументационных ресурсов. При этом доказательства виновности подсудимого считались совершенными, когда исключали какую-либо возможность «к показанию его невиновности», а одного такого доказательства было вполне достаточно для «признания осуждения несомненным» (читай, для вынесения обвинительного приговора). В противном случае – при допущении вероятности невиновности подвергнутого уголовному преследованию человека – доказательства его вины предписывалось считать несовершенными [8, с. 41]; каждое из них могло использоваться лишь для выдвижения в отношении лица более или менее предположительного подозрения, тогда как для безусловного признания его виновным требовался достаточный для опровержения невиновности комплекс (совокупность) несовершенных доказательств [9, с. 112].

К слову, оценивать подобную совокупность на предмет некоего «группового совершенства», то есть достаточности для вывода о виновности подсудимого, надлежало, исходя из результатов исследования несовершенных доказательств, уразумения их информативности (относимости) и достоверности как в отдельности, так и при сопоставлении друг с другом. Одновременно рекомендовалось увязывать силу имеющихся уголовно-судебных доказательств с тяжестью обвинения – чем более тяжким было обвинения, тем более весомыми должны были быть и доказательства. И таким образом в российском уголовно-процессуальном законодательстве середины XIX века уже начинали просматриваться зачатки иного концептуального подхода к доказыванию – принципа свободы оценки доказательств.

Вместе с тем общая концепция доказательственного права всё же оставалась глубоко формальной, свойственной более архаичным, инквизиционным механизмам уголовного судопроизводства. Поэтому «лучшим свидетельством всего света» считалось собственное признание подсудимого, а к условиям его совершенности относились: а) добровольность; б) «учинение» в суде и перед судьёй; в) соответствие его содержания обстоятельствам произошедшего преступления («сходность с происшедшим действием»); г) несомненность и очевидность сообщённых сведений – располагая отвечающим данным условиям признанием, судья мог «не опасаться» постановления обвинительного приговора, поэтому какие-либо иные доказательства уже не требовались. Причём добиваться подобного признания рекомендовалось исключительно посредством увещаний и улик, но никак не «домогательств» – в этой связи существовала

возможность избличения человека в совершении преступления посредством других, то есть не связанных с признанием доказательств. Законом также предусматривались основания юридической недопустимости и своеобразной «половинчатости» признания подсудимого, право его использования в качестве смягчающего уголовное наказание чистосердечного раскаяния и т. п.

Достаточно важными уголовно-судебными доказательствами считались письменные документы – их дозволялось признавать совершенными, если они не оспаривались лицами, против которых были представлены. В законе уделялось внимание полноте изложенных в них сведений. В частности, запрещалось считать совершенными доказательствами письменные акты, в которых лишь упоминались подлинно значимые для установления обстоятельств случившегося документы, по крайней мере до момента получения самих документов. Кроме того, предусматривался механизм признания совершенности документа в случае отрицания подсудимым факта его подписания. Таковым являлось сличение подписи в документе с реальной подписью человека, проводимое несколькими компетентными «экспертами». Причём совершенность документа обуславливались лишь единогласным мнением о тождестве подписей. В иных случаях, в том числе при расхождении позиций «экспертов», документ надлежало признать несовершенным.

Кстати, законом предусматривалось и ещё одно «экспертное» средство признания совершенности доказательств – свидетельство сведущих медицинских чиновников в отношении имеющего значение для дела «медицинского» объекта, например трупа и т. п. Такое освидетельствование надлежало проводить на законных основаниях, а его выводы должны были быть ясными, «положительными», не противоречащими иным установленным обстоятельствам дела.

Существовали и более простые, «неэкспертные» виды процессуальных свидетельств. В первую очередь таковым признавалось свидетельство двух посторонних лиц – «согласных в своих показаниях достоверных свидетелей». Его признание совершенным доказательством определялось неспособностью подсудимого отвести данных свидетелей, а также опровергнуть сообщённые ими сведения. А в некоторых случаях даже дозволялось ограничиваться свидетельством не двух, а всего лишь одного постороннего лица: при наличии других неоспоримых доказательств, при желании отца или матери дать показания в отношении своего ребёнка и др. Кроме того, предусматривались различные варианты формального разрешения противоречий в подобных свидетельствах, в частности предполагающие приоритетность показаний мужчины перед показаниями женщины, показаний знатного человека перед показаниями простолюдина, показаний «учёного» человека перед показаниями «неучёного», показаний священнослужителя перед показаниями светского. Тогда как свидетельства, в том числе сделанные в письменной форме, данные без присяги либо основанные на слухе, вообще не могли признаваться допустимыми доказательствами.

Схожее значение имели результаты личных осмотров будущих обвиняемых, проводимых прямо в местах задержаний и позволявших выявлять признаки преступлений. В случае отсутствия оснований для опровержения такие результаты приравнивались к свидетельствам посторонних лиц и, следовательно, подлежали использованию в качестве совершенных уголовно-судебных доказательств.

Помимо уголовно-судебных доказательств, предусматривались и более «второсортные», никоим образом не предрасположенные к признанию совершенными средства доказывания. Одним из них был оговор подсудимым посторонних лиц. Причём его использование в качестве более или менее сильного средства доказывания напрямую связывалось с возможностью подтверждения справедливости соответствующих сведе-

ний на очной ставке с оговорённым. В противном случае – ввиду смерти подсудимого или его направления в ссылку до отыскания оговорённого – сила подобного доноса снижалась. Кроме того, в случае постоянного изменения или дальнейшего отрицания первоначально сообщённых подсудимым «оговорных» сведений, равно как и в случае раскаяния умирающего подсудимого в напрасности сообщения этих сведений, в осуществлении данного поступка в силу принуждения или подстрекания со стороны «третьих лиц» оговор надлежало признавать недействительным.

Другим «второстепенным» средством доказывания признавались результаты повального обыска, предполагающего совокупность опросов всех жителей какой-либо местности (околотка) – «соседей» подвергаемого уголовному преследованию человека – об обстоятельствах его жизни и поведения. Подобные сведения признанию совершенными доказательствами не подлежали – их дозволялось использовать лишь в качестве сугубо проверочных ресурсов, «подкрепляющих другие доказательства. Одновременно говорилось о формальном перевесе большей части «голосов» опрошенных над меньшей частью, за исключением случаев уличения «меньшинством» «большинства» в ложности показаний на очной ставке.

Кроме того, «второстепенными» средствами доказывания считались улики (косвенные доказательства) – сведения о предшествующих, сопутствующих, последующих либо как-то ещё связанных с преступлением обстоятельствах. Как отмечал А. С. Жиряев, «уликою должно быть признано всякое обстоятельство, которое, по предполагаемой связи своей с одним из трёх главных предметов уголовного исследования, содержит в себе косвенное на действительность, или свойства, указание» [9, с. 34]. К уликам предписывалось относить сведения: а) о ссоре либо вражде обвиняемого с «потерпевшим»; б) о материальной заинтересованности обвиняемого в преступлении («когда обвиняемому от совершения преступления последовать могла прибыль»); в) о прежних противозаконных деяниях обвиняемого; г) об его нахождении в сообществе с другими преступниками; д) о бытовании «злых» слухов и «худой» молвы о совершении обвиняемым преступления (в этом случае специально обращалось внимание на неприменную правдоподобность таких сведений, на неприемлемость использования преднамеренно распространяемых ложных слухов ввиду злого умысла, вражды, ненависти или мести); е) о предварительных угрозах обвиняемого совершить инкриминируемое ему преступление; ж) о самовосхвалении обвиняемого совершенным преступлением перед другими лицами; з) о лицемерии обвиняемого (в том числе с оружием) в месте и во время совершения преступления; и) о задержании обвиняемого с поличным; к) об обнаружении у обвиняемого каких-либо необычных предметов, подлежащих использованию в качестве «преступных инструментов» (например, оборудования для подделки монет, ассигнаций или печатных паспортов); л) о побеге обвиняемого; м) об его внесудебном признании в совершении преступления. Уликой также надлежало считать обвинительное показание всего лишь одного свидетеля.

Одновременно ввиду формально установленного несовершенства подобных средств доказывания предусматривались основания для усиления их юридической значимости («увеличения их силы»): их непротиворечивость, способствующая формированию стороной логической цепочки («когда многие признаки соединяются вместе»), а также невозможность должного опровержения подсудимым данных сведений. Тогда как более высокая убедительность высказанных подсудимым опровержений, напротив, считалось основанием для «уменьшения силы» обвинительных улик.

И, наконец, ещё одним «второстепенным» средством доказывания признавалась очистительная присяга – клятвенное заверение подсудимого в своей невинности, способствующее его освобождению от уголовной ответственности. Правда прибегать

к помощи такой клятвы дозволялось лишь в случаях невозможности изобличения или оправдания лица путём использования других совершенных или несовершенных доказательств. И вообще рекомендовалось относиться к приведению подсудимого к очистительной присяге с большой осторожностью, не добиваясь от него подобных заверений посредством принуждения. При этом решившийся поклясться в своей невинности человек от подозрений освобождался, как бы «очищался», тогда как при отказе от присяги его надлежало оставить под подозрением. А в случае усмотрения нецелесообразности приведения лица к очистительной присяге ввиду недоверия к его искренности суду предписывалось более не предпринимать по делу никаких шагов – «предавать дело воле божьей, пока оно само собой не объяснится».

Сегодня, спустя почти двести лет со времён бытования положений «николаевского» уголовно-процессуального законодательства активно использовавшиеся в правоприменительной практике уголовно-судебные доказательства, равно как и второстепенные средства доказывания, видятся весьма архаичными, явно не соответствующими нынешним представлениям о механизмах работы уголовной юстиции правового государства. Более того, совокупность данных ресурсов вообще являлась весьма эклектичной, включающей достаточно разнородные, не предрасположенные должной систематизации полезные, а иногда и достаточно бесполезные познавательные активы и способы их накопления. Вместе с тем именно эти архаичные положения закона предопределили вектор последующей интенсификации национального доказательственного права на многие годы вперёд, а частично даже повлияли на современные подходы к уголовно-процессуальным доказательствам.

-
1. Россинский С. Б. Доказательства в уголовном процессе: взгляд ученого 10 лет спустя... // Труды Института государства и права РАН. Т.18. 2023. № 3. С. 184–207.
  2. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. М.: Академический проект, 2020. 567 с.
  3. Гегель Г. В. Ф. Сочинения. В 14 томах. Т.5. Наука логики / пер. с нем. А.М. Водена. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. 715 с.
  4. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М.: ЛексЭст, 2001. 240 с.
  5. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М.: ЛексЭст, 2001. 93 с.
  6. Чучаев А. И. Разработка уголовного законодательства в XVIII – первой четверти XIX века: борьба за самобытность русского права // Государство и право. 2024. № 12. С. 172–185.
  7. Дегай П. И. Взгляд на современное положение уголовного судопроизводства: сочинения П. Дегая. СПб.: тип. Министерства государственного имущества, 1847. 326 с.
  8. Вышинский А. Я. Теория судебных доказательств в советском праве. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1941. 220 с.
  9. Жиряев А. С. Теория улик. Дерпт: тип. Г. Лаакманна, 1855. 214 с.

1. Rossinskij S. B. Dokazatel'stva v ugovnom processe: vzglyad uchenogo 10 let spustya... // Trudy` Instituta gosudarstva i prava RAN. T.18. 2023. № 3. S. 184–207.
2. Kant I. Kritika chistogo razuma / per. s nem. N.O. Losskogo. M.: Akademicheskij proekt, 2020. 567 s.
3. Gegel` G. V. F. Sochineniya. V 14 tomax. T.5. Nauka logiki / per. s nem. A.M. Vodena. M.: Gosudarstvennoe social`no-e`konomicheskoe izdatel`stvo, 1937. 715 s.

4. Barshev Ya. I. Osnovaniya ugovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossijskomu ugovnomu sudoproizvodstvu. M.: LeksE`st, 2001. 240 s.
5. Spasovich V. D. O teorii sudebno-ugolovny`x dokazatel`stv v svyazi s sudoustrojstvom i sudoproizvodstvom. M.: LeksE`st, 2001. 93 s.
6. Chuchaev A. I. Razrabotka ugovnogo zakonodatel`stva v XVIII – pervoj chetverti XIX veka: bor`ba za samoby`tnost` russkogo prava // Gosudarstvo i pravo. 2024. № 12. S. 172–185.
7. Degaj P. I. Vzglyad na sovremennoe polozhenie ugovnogo sudoproizvodstva: sochineniya P. Degaya. SPb.: tip. Ministerstva gosudarstvennogo imushhestv, 1847. 326 s.
8. Vy`shinskij A. Ya. Teoriya sudebny`x dokazatel`stv v sovetskom prave. M.: Yuridicheskoe izdatel`stvo NKYu SSSR, 1941. 220 s.
9. Zhiryayev A. S. Teoriya ulik. Derpt: tip. G. Laakmanna, 1855. 214 s.

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский. Главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, доктор юридических наук, профессор. Институт государства и права Российской академии наук. 119019, Россия, Москва, ул. Знаменка, 10.

Information about the author

Sergey B. Rossinskiy. Chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology. Doctor of Law, Professor. Institute of state and law of the Russian academy of sciences. 119019, Russia, Moscow, Znamenka Str., 10.

Статья поступила в редакцию 12.01.2026; одобрена после рецензирования 01.03.2026; принята к публикации 27.03.2026.

The article was received in the editorial office on 12.01.2026; approved after review on 01.03.2026; accepted for publication on 27.03.2026.